

Федотова О.Д.

У истоков проблемы педагогической превенции терроризма:
подход западногерманского исследователя

В статье представлена одна из первых попыток рассмотрения педагогической проекции феномена молодежного терроризма, принадлежащая известному западногерманскому теоретику политической дидактики Г. Гизеке. Характеризуется его оценка специфики ментальных оснований представителей левозкстремистских организаций, осуществляющих политически мотивированное насилие, влияние внешних и внутренних факторов формирующего воздействия на личность потенциального террориста.

Ключевые слова: терроризм, леворадикальная молодежь, политически мотивированное насилие, ментальность, террористическая группа, способность к самоопределению

Изменение геополитической карты мира свидетельствует об определенной динамике приоритетов в стратегическом целеполагании нашей страны, связанной с усилением ее субъектности при решении актуализирующихся задач государственной политики и особенностей их реализации. Вместе с тем конструктивные процессы, нацеленные на развитие новых форм государственно-политического, социально-экономического и научно-образовательного сотрудничества протекают в сложной обстановке постконфликтной стабилизации. Вопросы, обращенные к различным аспектам идеологии политически мотивированного насилия, давно стали объектом углубленного теоретико-педагогического исследования в ФРГ.

Концептуальное осмысление процессов и закономерностей, связанных с проявлением терроризма и экстремизма, так или иначе касающихся сферы образования, нацеливает исследователей из ФРГ на анализ действий различных субъектов политики, экономики и культуры. Одним из первых исследователей, обратившихся к педагогическим аспектам превенции терроризма, является профессор Гёттингенского университета Герман Гизеке (род. 1932). К проблемам оценки деструктивных действий террористов он впервые обратился более пятидесяти лет назад [1]. За двенадцать лет до расстрела террористической группой «Черный сентябрь» во время Олимпийских игр в Мюнхене легкоатлетической команды Израиля (1972), он остро поставил вопрос о необходимости объективного исследования одной из наиболее серьезных глобальных проблем.

Теоретическим фундаментом аргументации Г. Гизеке стала выдвинутая социологом Г. Шельски (1912–1984) концепция исследования молодежи как объективно существующей данности, без учета вневременных идеальных представлений о том, какой она должна быть. Ни общество, ни сама молодежь не нуждаются в оформлении в теоретический концепт феномена «молодости» как самостоятельной рамки организации исследования, а также в разработке специального исследовательского инструментария. В подходе Г. Гизеке отсутствуют оценочные суждения, однако

содержатся важные мысли, основанные на реальной практике анализа педагогически значимых сегментов действительности. Таковыми являются деятельность членов бывшей организации Фракция Красной Армии (Группа Баадер – Майнхоф, RAF/ПАФ) – левозэкстремистской террористической организации, возникшей на волне распространившихся в ФРГ идей «отказа» от капитализма. Данная организация, почти тридцать лет державшая в страхе ФРГ, а затем и Европу, считала своей целью политический шантаж всех учреждений и должностных лиц, способствующих укреплению устоев данного политического строя, средствами «городской герильи» (партизанской войны). Важным источником являются программные документы РАФ, документальные свидетельства и автобиографический нарратив, принадлежащий перу бывших членов организации террористов-рафовцев, причастной к более чем 100 доказанным покушениям, при которых 39 человек были убиты, 75 – ранены во время взрывов.

Базовым компонентом политической дидактики и ведущим фактором формирования террористических установок, согласно Г. Гизеке, является комплекс образований, с определенной долей условности объединенных понятием «группа». Теоретик считает совершенно нормальным стремление человека стать членом той или иной группы, будь то крупное формальное объединение, имеющее юридический фиксированный статус – официально зарегистрированные общество-фереин (Verein) или общество-союз (Verband), или же небольшая террористическая группа, состоящая из лиц, объединенных общей идеей борьбы против несправедливости, понимаемой определенным образом и остро переживаемой. По воли «его величества случая» молодой человек может оказаться как в социально ценной группе, так и в общности, преследующей деструктивные цели. Однако отсутствие четких представлений о «нормальных жизненных перспективах» – образовании, работе, семье – может стать провоцирующим фактором и исходной причиной ослабления сопротивления негативным внешним обстоятельствам, последующей идентификации себя с членами группы, приверженными культу насилия.

В работе «Как и почему становятся террористом» Г. Гизеке подробно излагает систему своих воззрений на проблему формирования сознания будущего террориста [2]. Он не разделяет мнения, согласно которому террористы являются ущербными, невротическими, не владеющими собой людьми, лишенными совести и идеалов. В отдельности они «такие же люди, как ты и я»: они подвержены приступам жалости и ярости, сожаления и сочувствия, страха, могут стать жертвами автомобильной катастрофы или террористического акта. Вместе с тем их характеризует стремление к контакту с людьми, обладающими некоторыми признаками своеобразной «ментальной настроенности» как некоего сложного конгломерата, включающего одновременно внутреннюю покорность, смирение, уступчивость, а также уверенность, агрессию и стремление к поиску высокого направляющего смысла жизни. Общение с группой, представители которой суммарно являются носителями данных характеристик, позволяет потенциальному террористу почувствовать все то, чего он лишен вне данной группы – признание, благожелательность,

благотворительность, поддержку, стремление вникнуть в сложные душевные движения. Но группа блокирует доступ к объективно существующей реальности: она сама обладает собственной внутренней «реальностью». В ней циркулирует обмен мнениями, не имеющими ничего общего с подлинным миром; обсуждаемые идеи все более отдаляются от действительности, практика перестает играть какую бы то ни было роль в проверке истинности высказываемых мнений. Иные, чуждые позиции даже не выслушиваются, постепенно они перестают интересовать членов группы, и поиск смысла жизни сначала отступает на второй план, а затем полностью исключается из сферы актуальных потребностей членов группы. По мере того, как новый член сообщества осваивается в «реальности» террористической группы, он все больше утрачивает свое собственное мировидение и адекватную самооценку. Позже, после того, как «новичок» примет участие в первой нелегальной акции, проводимой группой – находясь не в центре событий, но на второстепенных, но четко зафиксированных ролях, ему уже нет дороги назад. Он не только понимает, что отступничество чревато последствиями со стороны соратников, но и испытывает нравственный дискомфорт по той причине, что его донос может повредить группе, которая, по его мнению, искренне стремится к достижению светлых и разделяемых им самим идеалов всеобщего счастья. Изоляция от внешнего мира усиливает давление группы. Новичок становится полностью зависимым от группы, он постепенно ощущает себя органической частью этой общности, в то время как реальный мир становится все более нереалистичным и переживается как нечто чуждое, отдаленное, недостойное чувства сожаления. Люди, убитые во время герильи, кажутся нелюдями, не-живыми (*un-lebendig*) агентами капиталистической системы. Общество воспринимается как по-прежнему фашистское, изменившее фасад, но сохранившее нечеловеческий оскал и готовое к нападению на светлые идеалы всеобщего равенства и братства. Поэтому цель разрушения правящей системы воспринимается как нечто нормальное и даже гуманное по отношению ко всему человечеству. Изоляция в группе, полагает Г. Гизеке, выступает ведущим фактором формирующего воздействия, изменяет представления человека об универсальности категорий добра и зла, размывает рамки представлений о морали, долге, обязанностях, ценности чужой жизни, благосостоянии как мере трудовых усилий.

Базовым мотивом немецкого терроризма в исполнении рафовцев теоретик считает не политические установки, что противоречит мнению бывших террористов Михаэля Баумана («Бомми») и Ганса Кляйна [3]. Политические мотивы являются продолжением личных безрадостных чувств: недовольство самим собой вызывает ненависть к политической системе; подавление не осознается как личная проблема, но остро воспринимается применительно к зарубежным освободительным движениям. В оценке политического дискурса терроризма, считает теоретик, нельзя полагаться на мнения бывших участников групп, описывающих свои мотивы террористической деятельности как благородной повстанческой. Г. Гизеке совершенно справедливо полагает, что мотивы участия в городской

партизанской борьбе – «школе политической практики революционных кадров» – различны у мужчин и женщин. Обращает на себя внимание то мало исследованное обстоятельство, что женщины – члены RAF составляли более половины активных членов организации, участвовавших в вооруженных нападениях, экспроприациях и городской герилье, и впоследствии были официально обвинены в терроризме. По мнению Г. Гизеке, столь значительное число женщин-террористок объясняется стремлением освободить арестованных товарищей и любимых. Истинные мотивы участия в террористических акциях лиц обоего пола, а также способствовавшие этому предпосылки, не могут быть определены однозначно. В них в той или иной степени реализуются представления молодых людей о слабости государства при реализации своей магистральной стратегии развития. Условиями существования террористических установок теоретик считает не вовсе не сферу реальной политики, в которой ежедневно происходят невидимые для простого гражданина сложные динамические процессы, а сферу политической культуры и систему нравственных ценностей населения. Г. Гизеке предпринимает попытку сформулировать теоретические положения, определяющие специфику ментальных оснований и социальной ситуации лиц и побуждающих их к участию в деятельности экстремистских организаций. С определенной долей условности они могут быть сведены к следующим позициям.

1. Обращаясь к проблемам приоритетов и ценностей, педагог отмечает, что в современном обществе изменился общий вектор оценки феномена успешности в контексте формирования идеологии общества потребления. Новая совокупность общественных отношений, в основе которых лежит принцип индивидуального потребления, наряду с положительными моментами, имеет и отрицательные черты. Прежде всего, утрачивают влияние традиционные установки, связанные с уважением трудового пафоса, близкого к идейным установкам протестантизма в части безоговорочного уважения ко всем людям, в том числе и выполняющим неквалифицированную, но полезную обществу работу. Г. Гизеке отмечает, что парадоксальным образом возникло протестное студенческое движение «новых левых», отразившее ментальные установки западногерманской студенческой молодежи, получающей высшее образование в унифицированных условиях и сомневающейся в своих профессиональных перспективах благодаря массовости подготовки специалистов. С одной стороны, «новые левые» выступали против бездуховности общества потребления, унификации культуры, переходящей в разряд массовой и «одноразовой». С другой стороны, рассматривая высшее образование как социальный лифт, автоматически поднимающий к новому качеству жизни, молодежь устремила свои помыслы к новым горизонтам потребления, но не всегда мыслила себя тонкой интеллектуальной прослойкой, двигающей прогресс. Протест против самой возможности не воспользоваться плодами полученного образования в силу того, что увеличивается число образованных специалистов, стал питательной средой для недовольства, вылившегося в студенческие волнения.

Рассуждения Г. Гизеке касаются оценки утверждения многих мыслителей послевоенного времени о том, что в молодежной среде утрачивается идея самоограничения. Через СМИ культивируется идея поддержания личного статуса через обладание новыми товарами, обесценивается скромный и настойчивый труд, позволяющий приобрести необходимые, практичные, но не самые престижные вещи, подвергаются сомнению установки на бережливость и сохранность приобретенного в пользу расширения новых потребительских горизонтов. С этими тенденциями Г. Гизеке связывает «бесконечную потерю «Я»». По его глубокому убеждению, человек, попадающий под влияние массовой культуры потребления, уже не стремится познать себя, определить границы разумного и дозволенного, он попадает под влияние других, утрачивая способность к критичной самооценке. Террористическая деятельность в данном случае выступает лишь одной из возможностей расширения опыта некритического отношения к себе самому и действительности.

2. Определенную негативную роль играет гуманная в своей основе концепция современной «терапевтической» школы, культивирующей идею радостного, но не основанного значительной концентрации интеллектуальных усилий учения. Г. Гизеке осуждает образовательные практики, не завершающиеся самостоятельным выполнением домашних заданий. Кроме того, распространенное отношение к обучению как процессу равноценного взаимообмена в рамках установки «Ты получишь ровно столько, сколько я получу от тебя» сковывает продуктивную активность и инициативу, ограничивает альтруистические проявления и способность к самопреодолению. В этой бездумности школьной практики и предопределенности оценки поведения в период обретения первого социального опыта легко формируется недовольство, а затем и более четко выраженное протестное настроение, которое легко подхватывается представителями экстремистских или террористических организаций, предлагающими в качестве альтернативы идеи освободительного движения, борьбы за что-то или против чего-либо.

3. Важным для Г. Гизеке является вопрос о том, как в образовательном процессе осуществляется доступ к познанию объективной реальности, как формируются, а в дальнейшем и реализуются представления об окружающей действительности. При оценке данных аспектов деятельности всех образовательных учреждений, Г. Гизеке утверждает, что не только школьники, но и студенты существуют в какой-то «искусственной среде», являющейся продуктом конструктивной деятельности педагогов. Обучающиеся, по его глубокому убеждению, пребывают в иллюзорном мире, лишь в каких-то своих аспектах моделирующем реальные процессы, явления, состояния и пр. Не непосредственное включение в реальную практику, а формирование способности к мышлению о жизненных реалиях становится сутью образовательного процесса. В этом отношении террористические группы и организации предлагают качественно иной, подлинно экзистенциальный жизненный опыт, реально насыщенный действием, страхом, позволяющий на примере личной включенности осознать значимость феноменов «жизнь» и «смерть», эмоционально пережить многогранность практики борьбы и противостояния реальной государственной

машине со всеми ее атрибутами. В итоге обретається такое новообразование, как реальный опыт, его значимость неоспорима, оценивается как личное достояние и величайшая ценность.

Обращение Г. Гизеке к проблемам терроризма и возможностям их педагогической превенции позволяет отнести к обозначенной им пятьдесят лет назад проблематике как ценному источнику сведений о явлениях, лишь недавно вошедших в отечественную социальную практику. Изучение проблемы педагогической превенции в трудах зарубежных исследователей может внести новые логические и содержательные акценты в понимание данной проблемы в целях модернизации отечественной социально-политической, экономической, геокультурной и образовательной практики.

Литература

1. Giesecke H. Auf dem Weg zu einem sozialistischen Bildungsideal // West-Ost-Berichte. – H. 10/1958. – S. 161–166.
2. Giesecke H. Wie und warum wird man Terrorist // Notausgänge. – Hannover: Fackelträger-Verlag, 1980. – S. 149–156.
3. Notausgänge. – Hannover: Fackelträger-Verlag, 1980. – 211 s.